

Константин
Хайт

ПЕС
ЗИМЫ

16+

Константин Александрович Хайт

Пес Зимы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60931176

SelfPub; 2020

Аннотация

Люди редко пишут от счастья, чаще всего литература – предохранительный клапан, помогающий не сойти с ума. А короткие рассказы почти всегда – дети боли. Сборник "Пес Зимы" – самые разные рассказы: детские, взрослые, серьезные, смешные, умные и дурашливые. Объединяет их только одно – за ними целая жизнь, полная любви, боли и созидания.

Содержание

Пес Зимы	4
Слон	14
Храбрый страус	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пес Зимы

В тот год Дед Мороз подарил мне лыжи. Сначала их хотел подарить мне папа, но у него что-то не заладилось, и в конце концов в новогоднюю ночь я нашел их под елкой, завернутые в лоснящуюся цветную бумагу. Это были не какие-нибудь обычные лыжи, беговые или горные, нет, это были настоящие охотничьи снегоступы: широкие, круглые, подбитые снизу жестким мехом, чтобы не скользили даже на самом крутом склоне.

Лыжи я вообще-то не жаловал. Не знаю ничего скучнее, чем бежать и бежать по накатанной колее среди таких же запыхавшихся бегунов, не имея возможности не то, что выбрать собственный путь, но даже и просто свернуть в сторону. Мне же всегда хотелось забраться куда-нибудь в лес, в самую чащу, куда не залезет никто другой, перебежать засыпанный снегом овраг, влезть на заледеневший холм, или пройти по оставленным неведомо каким зверем следам. Немудрено, что я был в полном восторге от снегоступов и целыми днями кружил на них по окрестностям, пока папа с мамой пересекали близлежащие склоны.

Зимние каникулы наша семья проводила на горнолыжной базе. Там-то мы и познакомились. Как-то, когда мы все вместе возвращались с прогулки, за нами увязалась собака:

большая, белая и по-видимому ничья, поскольку ошейника на ней не было. Она не могла жить где-то поблизости, по крайней мере я никогда не встречал ее раньше, тем не менее, пес провожал нас до самого порога: молча трусил в отдалении, иногда останавливаясь, а иногда догоняя нашу маленькую компанию, пока его не отделила от нас стеклянная входная дверь.

Тогда он уселся перед входом, подождал немного, и побегал обратно к лесу, как будто выполнив свою, не слишком обременительную, работу. На следующий день он встретился рано утром и бегал со мной до темноты. Он и впоследствии часто проводил с нами время, то появляясь, то убегая куда-то, так что каждый день, отправляясь осваивать свои снегоступы, я высматривал на белом снегу его мохнатую белую шубку.

Мама не одобряла нашу дружбу, папа же хитро подмигивал и делал вид, что не замечает, как я по вечерам скармливаю ему оставшиеся с ужина котлеты. Когда пришло время уезжать, я стал было просить взять его с собой в город: мне ужасно хотелось завести собаку, белую, пушистую, с красивым закрученным в колечко хвостом. Но мама посмотрела на меня очень строго, а папа сказал примирительно: "Это – Пес Зимы, что ему делать в городе летом"?

Через год мы вернулись на каникулы на ту же базу. Теперь я совсем уже освоился со снегоступами и стал заходить гораздо дальше, забираясь в самую чащу морозного зимнего

леса. Это было безумно здорово – прокладывать себе дорогу сквозь коряги и бурелом, забредать в медвежьи углы, воображать себя охотником, распутывая хитросплетения следов или просто сидеть на корточках под деревом, прислушиваясь к звукам заснеженного, нетронутого человеческой рукой леса.

Я был счастлив, и только одно вызывало у меня уныние: мне ни разу не удавалось увидеть моего прошлогоднего друга, так что в конце концов я решил, что он заболел, ушел из этих мест, или его взяли к себе домой какие-нибудь другие родители. Однажды, ближе к концу каникул, я забрался так далеко, как еще никогда не забредал до этого. К тому моменту я уже хорошо изучил все окрестности турбазы и стал заходить в новые для себя места, благо снегоступы позволяли пробираться через любые, даже самые глубокие, сугробы и залезать туда, куда нельзя было добраться никаким другим способом.

В тот день было очень холодно, но я был тепло одет, шел быстро и не ощущал мороза. Начало уже смеркаться, и я собирался поворачивать к дому, когда ляжка на моем снегоступе хрустнула и оторвалась. Это было хорошее кожаное крепление, но я носил лыжи уже два года, и, наверное, порядком износил их за это время. Поначалу я не придавал этому большого значения. У меня и раньше рвались шнурки на ботинках, вставить новые было делом пяти минут, после чего можно было снова начинать бегать.

Но тут дело оказалось куда серьезнее. Без лямки снего-ступ соскальзывал с ноги, а стоило этому случиться, как я по колено, а где и по пояс, проваливался в снег. Я попробовал снять лыжи, но это ни к чему не привело: я выбивался из сил, выбираясь из одного сугроба и тут же окунаясь в другой. Хорошо еще, что на мне были непромокаемые штаны и такая же куртка, так что снег почти не попадал под одежду, но идти было совершенно невозможно. Я устал и проголодался.

Между тем стемнело. Мороз, до того почти незаметный, ощущался теперь сильнее, вдобавок в темноте мне никак не удавалось найти дорогу. Теперь я мог только ползти и даже не пытался встать, зная, что немедленно провалюсь, но страх заставлял меня работать локтями, двигаясь туда, где, как мне казалось, была наша база. Я знал, что родители будут меня искать, несколько раз порывался кричать, но все было безрезультатно. В конце концов, я так выдохся, что, хотя отец много раз говорил мне, что этого ни в коем случае нельзя делать, уснул прямо в снегу. Мне снилась мама, ужин, шипящие котлеты на газовой плите. Во сне было хорошо, тепло, и не нужно было никуда ползти.

Проснулся я от чего-то мокрого и теплого. Сначала я не понял, что это такое, пока оно не лизнуло меня еще раз. Это был Пес Зимы. Он лежал рядом со мной, но, как только я открыл глаза, радостно вскочил, и его белая шерсть заблестела в ярком лунном свете. Я обхватил его за шею и попытался встать, но снова провалился в снег. Выкарабкался, лег пла-

стом, попробовал еще раз – снова безрезультатно. Так я барахтался несколько минут, пока снова не обессилел. Пес бегал вокруг, озабоченно скуля и пуская из открытой пасти густой белый пар. Потом подбежал ко мне и стал лизать лицо своим теплым шершавым языком.

– Не могу, – сказал я ему, как будто он был человеком, – сил нет.

Он посмотрел на меня с укоризной. Потом ухватил зубами за воротник и потащил. Я лежал на снегу, как мешок с мукой, а он, глухо рыча, волочил меня по буеракам, сам проваливаясь по грудь и напрягаясь изо всех сил. Затем он прилег рядом, но быстро вскочил и потащил меня дальше. Будь я потяжелее, он никогда бы не справился с такой ношей, но и сейчас мы двигались ужасно медленно. Пес волок меня несколько метров, потом останавливался, чтобы отдышаться, волок еще и еще, иногда прилегая, чтобы согреть меня и согреться самому.

Я почти не помню этот путь. Он длился всю ночь, весь день и половину следующей ночи. На то, что на снегоступах я проходил за час, нам, вернее псу, требовалось полдня. Он совсем изнемог и тяжело дышал, морда у него покрылась сосульками, а пар из пасти стал таким густым, словно он был не собакой, а огнедышащим драконом. Но пес не отступал. Сначала я старался бодрствовать, хлопал в ладоши, растирал руками колени и, когда находил в себе силы, пытался помогать своему спасителю. Но с каждым разом это давалось мне

все тяжелее, временами я поневоле проваливался в сон и в конце концов потерял сознание.

Папа нашел нас глубокой ночью. Он показывал мне потом это место: у самой дороги шагах в трехстах от наших дверей. Я лежал, уткнувшись лицом в густую собачью шерсть, а зубы пса продолжали сжимать мой измочаленный воротник. Отец погрузил нас в машину и, как мог быстрее, погнал по обледенелой дороге до ближайшей больницы. Остаток отпуска я провел в палате. К счастью, у меня ничего не было сломано, несмотря на мороз, не было даже серьезных обморожений. Тем не менее, мне долго не удавалось встать с постели, и маме приходилось кормить меня с ложечки, так как руки дрожали и не хотели меня слушаться.

Пес оправился гораздо быстрее: на второй день он уже бегал по больничному двору, обнюхивался со всеми собаками и лаял на подвыпившего дворника, замахнувшегося на него своей палкой. В день перед отъездом нас отпустили собирать вещи. Пес ехал с нами: мама намеревалась взять его с собой: она ласкала его и тискала и ни за что не желала расставаться с ним даже на минуту, как будто всю жизнь любила собак. Пес воспринимал это со стоическим спокойствием, но по всему было видно, что мамины котлеты нравятся ему куда больше маминых ласк. Он спокойно ждал, пока папа вынесет наши чемоданы, но, когда комната опустела, вдруг забеспокоился. Наконец, настала пора уезжать. Мы заперли дверь, расплатились, сели в машину, и папа взял ошейник, чтобы одеть его

на собаку. Но пес лишь заворчал и отошел в сторону. Папа пошел за ним, говоря разные ласковые слова, но ничего не помогало. Пес больше не подходил к нам, не давался в руки, попытки подманить его пищей или уговорами он воспринимал едва ли не с презрением. Когда мы уезжали, он все еще сидел перед воротами базы и смотрел нам вслед, пуская изо рта белый пар.

– Это Пес Зимы, – сказала мама, когда он скрылся за поворотом. И издали до нас донесся одобрителный собачий лай.

Бегемот и Черепаха

Плыли как-то вечером Бегемот и Черепаха. Плыли очень долго, и в конце концов совсем умаялись. Так умаялись, что почти обессилели.

– Далеко ли нам еще до земли? – спросил Бегемот Черепаху. – Я устал и мне не хотелось бы плыть неизвестно куда по этой холодной и несимпатичной воде.

Черепаха не ответила. Она плыла брассом, вдыхая и выдыхая через раз, и была очень занята, подсчитывая свои вдохи и выдохи, чтобы ненароком что-нибудь не напутать.

"Надо спросить у кого-нибудь еще», – решил Бегемот. – "А то так, глядишь, мы и до ночи не доберемся".

Мимо проплывала стая рыб, и Бегемот подумал, что это редкая удача – встретить такую стаю как-раз когда надумал

спросить у кого-нибудь дорогу.

– Здравствуйте! – сказал он рыбам.

– Здравствуйте, – ответили все рыбы, кроме одной.

Этой невежливой рыбой была Акула. Она не могла ничего ответить, так как ее рот был в этот момент чрезвычайно занят.

"Какая невоспитанная Акула», – подумал Бегемот и очень обиделся. Черепаха тоже обиделась, но не очень. Она сообщала медленно, а потому иногда не успевала подумать, на что стоит обижаться, а на что нет. Оттого у нее вошло в привычку обижаться на все подряд, но так, чтобы слишком не огорчаться, если обиделась по ошибке.

– Скажите, Акула, не поделитесь ли Вы с нами кусочком той замечательной вкусной пищи, – попросил Бегемот, – которая мешает Вам поздороваться с нами по законам приличия?

Акулы челюсти все еще были заняты, и ей никак не удалось сказать ни единого слова. Все же она открыла пошире рот, намереваясь извиниться и, возможно, даже объяснить свое поведение. Но тут, в этот самый миг, в эту самую секунду, верите или нет, изо рта у нее выпал самый маленький хвостик самой маленькой рыбки, которую Акула проглотила еще в прошлый ужин, но, увы, не успела еще как следует прожевать.

– Да она издевается! – взревел Бегемот. – Она издевается надо мной самым беспардонным образом!

В другое время он только пошумел бы немного, ибо это был весьма солидный и благовоспитанный Бегемот, не привыкший выяснять отношения на людях. Но он так долго плыл брассом и так сильно устал, что не мог в полной мере совладать с собой. Оттого он открыл свою пасть, из которой торчали два ряда острых клыков, один вверх, другой вниз, и слегка укусил невежливую Акулу за длинную шершавую спину. А поскольку клыки у Бегемота были большие, а Акула была не слишком крупная, то Бегемот перекусил ее аккуратно пополам, на две совершенно одинаковые части – с одной стороны голова, с другой хвост.

"Вот незадача», – подумал Бегемот, – "А ведь я всего-то и хотел, что поздороваться и спросить, далеко ли до берега".

Но не успел он додумать эту мысль до конца, как из Акулы, и из ее левой половины, и из ее правой половины, посыпались рыбы головы и рыбы хвосты, и прочие части акульего завтрака, обеда и ужина.

– Какая радость! – воскликнули вежливые рыбки, – теперь у нас будет много хорошей вкусной еды!

И они налетели со всех сторон и вмиг съели и акулий завтрак, и акулий обед, и акулий ужин, а заодно и саму Акулу, а затем, в придачу, и Бегемота, который так умаялся, что, мне кажется, даже не слишком расстроился по этому поводу.

"Как хорошо иногда молчать», – пробормотала про себя черепаха и не торопясь поплыла дальше, при этом она по-прежнему считала вдохи, а также, когда успевала, еще и вы-

дохи. С той поры, хотя ей и становилось порой скучно, она всегда и везде предпочитала плавать в одиночку.

Слон

Слон летал над джунглями и напевал песенку. Ему было ужасно весело, ветер колыхал его большие слоновьи уши, хвост рассекал воздух, словно пропеллер, а хобот залихватски трубил победные марши.

Вдруг, далеко внизу, Слон увидел большое дерево. На вершине дерева было гнездо, а в гнезде два птенчика – серый и белый. Птенчики жалобно щебетали, и слону стало их ужасно, ужасно жалко.

«Бедные птенчики», – подумал Слон. – «Они, вероятно, совсем одни и наверняка погибнут, если только я не возьму их с собой».

Это был очень добрый и мягкосердечный Слон, потому он снизился, посадил птенчиков на широкую спину и понес их над джунглями к себе домой.

– Мы хотим есть! – пищали между тем птенчики, – О, добрый, добрый Слон, ты такой большой и сильный, дай нам, пожалуйста, немного еды!

Слон, конечно, не знал, чем следует кормить двух маленьких голодных птенчиков, но, едва принеся их домой, немедленно отправился на поиски, ибо был ответственным и заботливым, как и подобает всякому добропорядочному Сло-ну. Он летал очень долго и все искал, и искал, пытаясь найти

что-нибудь подходящее. Сначала он попробовал срывать листья с деревьев, но все они казались ему слишком жесткими и терпкими. Потом он принялся за бананы и ананасы, но они были тяжелыми и крупными. Тогда он стал ловить бабочек и жуков, но все они уворачивались от его толстого длинного хобота. Это, согласитесь, далеко не так просто – кормить чужих маленьких птенчиков, в особенности, если ты большой неуклюжий Слон.

Наконец, после долгих бесплодных поисков, он увидел перед собой бескрайние льды. На самой большой льдине лежал Морж и грел на солнышке свое лоснящееся толстое пузо.

«Не знаю, будет ли от этого какой-нибудь прок», – подумал слон, – «но прихвачу-ка я с собой этого Моржа. Если уж я не могу накормить как следует своих малышей, так хотя бы принесу им игрушку, какой не бывает в наших краях».

С этими словами Слон подхватил Моржа поперек туловища и понес его высоко над джунглями.

Тем временем, оба птенчика, серый и белый, совсем проголодались и стали верещать так громко, что разбудили Крокодила, который переваривал ранний завтрак в высоких прибрежных кустах.

– Как интересно, – удивился Крокодил, – два маленьких птенчика, серый и белый. Они сидят так низко, и кричат так громко, что я, пожалуй, не поленюсь прогуляться в этот прекрасный летний денек.

И хотя он был чрезвычайно сыт, и ему было необычай-

но лень ползти по жаре, он, тем не менее, встал, дополз до птенчиков и проглотил их, почти не раскрывая свою длинную зубастую пасть. Затем он улегся в тени деревьев и заснул с весьма довольным видом, который имеет всякий сытый крокодил, только что заполучивший отличный десерт.

Прилетев, Слон опустил Моржа на землю и отправился искать птенчиков, серого и белого, но нигде не находил их. Зато он нашел Крокодила, который мирно спал в тени деревьев, и, разумеется, поинтересовался у него, не видал ли тот чего-либо необычного.

– Видал, – отвечал ему Крокодил.

Это был очень умный старый Крокодил, и он отлично знал, о чем следует, и о чем не следует разговаривать со слонами, если они вздумают расспрашивать тебя после сытного завтрака вдалеке от воды.

– Что же ты видел? – нетерпеливо воскликнул Слон, – отвечай не мешкая, а не то я, чего доброго, заподозрю тебя в чем-нибудь таком, в чем мне не хотелось бы тебя подозревать.

Как всякий добрый и мягкосердечный Слон, он предпочитал не подозревать кого-либо в чем-либо без крайней необходимости.

– Я видел, – степенно отвечал Крокодил, – слона, который летал высоко над джунглями и трубил в свой длинный слоновий хобот, словно духовой оркестр на параде. Между тем, всякая тварь в джунглях знает, что летать для слонов –

в высшей степени неприлично, и ни один благовоспитанный представитель этого вида никогда не позволит себе ничего подобного.

Здесь Слон слегка покраснел и зарекся когда-либо подниматься в воздух. Он даже подумал, что надо бы обойти джунгли и попросить прощения у всех, кого оскорбило его в высшей степени неприличное поведение, но потом решил, что это все-таки черезчур, и к тому же займет слишком много времени.

– А еще, – продолжал Крокодил, – я видел моржа, который лежал в траве, словно почерневший кабачок. В то время, как каждый в джунглях знает, что моржи не живут в нашем климате, и он непременно простудится и заболеет scarлатиной, если кто-нибудь добрый и мягкосердечный не пожалеет времени, чтобы помочь ему вернуться в более подходящее место.

С этими словами Крокодил многозначительно покачал головой и уполз в свои заросли. А Слон постоял немного, вздыхал, ибо ему совсем не хотелось идти пешком в такую даль, но все же положил моржа на широкую спину и зашагал обратно в сторону Арктики. Это был весьма ответственный и добросердечный слон, и ему ни капельки не нравилось болеть scarлатиной. По дороге он напевал протяжные грустные песни и вспоминал двух птенчиков, серого и белого, которым так не повезло с новой игрушкой.

С тех пор он уже не поднимался высоко над джунглями,

только изредка смотрел на бананы и ананасы, до которых теперь никак нельзя было дотянуться. И хотя многие моржи по привычке продолжают искоса поглядывать в небо, всякая здравомыслящая тварь знает, что это всего лишь дань древнему предрассудку. Один лишь крокодил имеет на этот счет особое мнение, но и тот предпочитает хранить его при себе.

Храбрый страус

Жил некогда в Африке Страус. Ровно такой же, как и десять тысяч других страусов – не больше, не меньше, не лучше и не хуже, не храбрее и не трусливее. Обыкновенный страус. И все же была в нем одна особенность, которая отличала его ото всех прочих: он совсем не умел прятать голову в песок, совсем-совсем. И не потому, что не хотел, а просто не знал, как это делается. Ни папа его не научил, ни мама не научила, ни своим умом не додумался. Так и ходил по Африке торчком, ни о чем особенно не заботясь.

До поры до времени эта его особенность нисколько страуса не беспокоила. Африка, знаете ли, большая, даже и для страуса. Ходил он себе головой кверху, глазел по сторонам и жил припеваючи.

Но вот однажды подстерег Страуса Лев. Подстерег, да и погнал по песку, аж пыль столбом. Гнал-гнал, так что и сам устал, и Страуса умотал порядком. Умаял бедолагу так, что тот шагу больше ступить не в силах. Встал посреди пустыни, шею вытянул и думает: «Будь, что будет. Не иначе, судьба моя такова».

Подбежал лев, изготовился было Страуса съесть... да призадумался. Что-то тут, думает, нечисто: не видал я еще такого страуса, чтобы и от беды не бежал, и голову в песок не

прятал. Не иначе стар я стал и слаб, и никто в Африке больше меня не боится.

Огорчился лев, даже слегка всплакнул. Но делать нечего – пошел он своей дорогой. Идет пригорюнившись, глядь – навстречу ему Шакал.

– Здравствуй, – говорит, – Царь Зверей. Что-то ты сегодня невесел.

– Да куда уж там, – отвечает Лев. – Вовсе я, Шакал, одряхлел, так, что даже последний Страус меня не боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.